

ЛАЙЗА ФОКС

**ВЫБОР
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ**

Лайза Фокс
Выбор специального
назначения
Серия «Парни из спецназа», книга 5

*<https://litres.ru/73933293>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Рапира. Позывной в спецназе – всё, что про меня надо знать. В характеристике написано "решительный, честный, целеустремлённый". И всё это правда. Мужчины смотрят на меня с уважением, женщины флиртуют. Но только не она.

Девушка в платке опускает взгляд, говорит тихо, сторонится и, придя в ужас, отказывается от подарка. Друг говорит, что Алия другая, и с ней нельзя нахрапом. Но я не привык отступать ни на службе, ни в жизни.

Мой ответ: "Была ваша – станет наша". И я не отступлюсь, даже если придётся штурмовать небеса.

Продолжаем спецназовцев. Легко не будет, но на то они и спецназ ;*)

Содержание

Алия	4
Цель	10
Сорвалось	16
Совет	23
Подготовка к свадьбе	28
Задание	33
В чём отличие?	38
Наблюдение	44
Хочу шишку!	49
Сначала семья	55
Тыл	60
Гости	66
Всё меняется	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лайза Фокс

Выбор специального назначения

Алия

– Поля, нам нужен букет! – рявкнул я, первым из нашей тройцы добежав до цветочного павильона в детском центре «Солнышко».

Опаздывая на службу, я ожидал увидеть улыбчивую полноватую продавщицу, которая всегда держала пару букетов про запас. Но сегодня в цветочном отделе было пусто.

Снизу раздался стук, потом писк, и из-под прилавка вынырнула незнакомая тоненькая девушка с тёмными, почти чёрными глазами. На ней было платье зелёного, похожего на камуфляж цвета с длинными рукавами. Голову и шею закрывал платок того же цвета.

– А Полина где? – удивился я.

– На выходном, – тихо, почти шёпотом ответила девушка и моментально опустила глаза.

В три широких шага я прошёл мимо витрины, вернулся к продавщице.

– А готовых букетов нет?

– Нет, – ещё тише ответила девушка. – Но я могу составить.

– Вот же! – не удержался я.

Она замерла с опущенными глазами, словно я её отругал, и девушка чувствовала себя провинившейся. Не поднимая головы, перебирала цветочные стебли. Теперь я не видел её глаз, только плавный изгиб плеча и быстрые, умелые руки с тонкими пальцами.

Время поджимало. Ответственный за поздравления Бомба был на выезде, и мы узнали о дне рождения кадровички Ольги Петровны уже по пути на службу. Других цветочных, работающих с семи, не было.

Нам надо было успеть до построения, но полки с готовыми букетами пустовали. Задача стояла, ресурсов не было. А обижать начальницу кадров в наши планы не входило. Когда подбежали Ахмад с Лёхой, я скомандовал:

– Ладно! Давай что-то простое и быстрое, но чтоб нормальный букет.

Девушка застыла. Не поднимая взгляда, она едва заметно раскачивалась из стороны в сторону, словно решая, в какую сторону бежать. Ситуацию спас Ахмад.

– Асаламу алейкум, – сказал сослуживец так спокойно, словно не бежал вслед за мной, а прогуливался мимо.

Это обращение было будничным и основательным. И я вдруг остро почувствовал разницу между нами. Для Ахмада этот жест был нормой. Для меня – странным ритуалом, ко-

торый я готов был уважать, но смысла в котором не видел.

Продавщица на секунду подняла голову. Огромные, тёмные, с длинными ресницами глаза девушки нашли Ахмада. Цветочница облегчённо выдохнула и снова отвела взгляд вниз, словно стеснялась.

– Ваалейкум ассалам, – ответила она тихо. Почти шёпотом.

Я, решив ускорить процесс, поставил задачу:

– Нам нужен букет. Срочно. Начальнице отдела кадров. Ей пятьдесят два, любит порядок, терпеть не может розы. Ненавидит жёлтые, когда у неё муж в командировке, потому что они к разлуке. Ещё ирисы любит, но для них сейчас не сезон. Соберите нам букет и поторопитесь, пожалуйста!

Девушка моргнула. Я видел, как она нервно теребила край платка. Посмотрела на стеллаж, потом на Ахмада, потом снова вниз. Я вдруг почувствовал себя слоном в посудной лавке.

Непривычное ощущение. На меня всегда смотрели с уважением или привлекая внимание, флиртуя. А она, не знаю. Смутилась? Я был слишком громким, слишком быстрым, слишком чужим для неё.

– Ты тише, Ром, – сказал Ахмад вполголоса, кладя мне руку на плечо. – Она не привыкла к такому напору.

Он повернулся к девушке и спросил мягко, почти по-отечески:

– Сестра, как тебя зовут?

Девушка на мгновение подняла глаза и улыбнулась краешком губ. И от этой улыбки у меня заныло в груди. А девушка отодвинула свисающий конец платка и показала бейджик.

– Алия, – прочитал я вслух, опережая её.

Ниже маленькими буквами было написано: «Педагогический институт, практикант».

Девушка кивнула.

– Алия, – повторил Ахмад, будто стараясь успокоить кошку. – Красивое имя. Слушай, Алия, нам правда надо быстро. Что у тебя есть из того, что можно собрать за пять минут? Без пафоса, но со вкусом.

Она выдохнула. Плечи опустились – будто Ахмад снял с неё невидимый груз.

– Лилии ароматные. К ним альстромерии, – ответила она уже увереннее, едва обозначая движения рукой в сторону стеллажей. – Они стойкие и симпатичные. Добавлю зелень и пару веток гипсофилы. За пять минут управлюсь.

– У нас семь минут, если бежать, – сказал Лёха, не поднимая глаз от телефона.

Я махнул рукой:

– Собирай, Алия. Я доверяю.

Она кинулась к вазам с цветами. Я смотрел, как её тонкие пальцы перебирали стебли. Как умело и быстро она отрезала лишнее, заворачивала букет и завязывала ленту. И понял, что не могу отвести от неё взгляда.

Ловил, как она склоняла голову, как тень от густых чёр-

ных ресниц падала на скулы. Как едва заметно шевелились её губы, когда она считала про себя цветочные стебли.

Алия. Я повторил это имя мысленно. Алия.

Ахмад отвёл меня в сторону и сказал вполголоса:

– Ты тише с ней, не надо так. Она другая. Она наша.

И снова сжалось в груди. Появилось чувство, что у меня попытались отобрать то, что я однозначно уже считал своим. Во мне поднялась волна протеста. Я посмотрел Ахмаду в глаза.

– Была ваша, – ответил я чётко, не отрывая взгляда от Алии. – Станет наша.

Она закончила букет, но в руки не дала, положила на прилавок. Подняла голову, и, услышав мой ответ, впервые за всё время удивлённо посмотрела мне в глаза. При этом выпрямилась и непокорно вздёрнула подбородок.

* * * * *

Друзья, собиралась сделать передышку и написать что-то воздушное. Но Рапира не дал мне даже посмотреть в сторону кого-то другого. Главное, что на финишной прямой обошёл высотника Каспера.

Важно: это продолжение серии про спецназовцев. По хронологии идут [Беркут](#), потом Рапира (которого прямо сейчас вы читаете), [Кобра](#), д и два Ястреба ([1](#) и [2](#)).

Читать книги можно в любом порядке. Только дилогию Ястреба не путайте местами, пожалуйста)

И, давайте начнём)

Цель

С букетом мы успели точно на построение. Передали цветы замкому и поздравили кадровичку. Ольга Петровна даже прослезилась. Сказала, что давно не видела такого красивого букета. И что наше внимание всегда приятно.

А потом всё пошло по плану. После утренней пробежки нас разобрали по классам старшие офицеры. Разбирали предыдущие выезды, распределяли сегодняшние группы. Но что бы я ни делал, думал про девушку из цветочного.

Алия. Необычное имя. Аля. С этим именем я переходил из класса в класс. С ним вышел на стрельбища. Подход, упражнение, выход. Где-то на третьем возвращении к стрельбищу я поймал себя на том, что смотрю в одну точку и не слышу команды.

Алия.

Тонкие пальцы, перебирающие стебли. Тень ресниц на скулах. И этот удивлённый, долгий, непокорный взгляд в самом конце. Будто она впервые меня увидела. А до этого всё глаза отводила. Не понравился?

Я промазал по мишени. Кедр удивлённо поднял бровь – я никогда не мазал, а тут прямо в молоко.

– Рапира, ты где? – Ахмад подошёл ближе.

– Здесь я, Барс, – буркнул я, вынимая обойму и выкладывая пистолет на стол.

– Не похоже. Ты сегодня сам не свой. С утра на цветочницу уставился, теперь мимо мишеней лупишь.

– Не уставился, – огрызнулся я, хотя сам знал, что боец прав.

Ахмад вздохнул. Убрал оружие, снял перчатки.

– Ром, ты просто не понимаешь. Девушки в хиджабе другие. Ты с ними не по правилам играешь. Они не привыкли к такому напору. К ним нахрапом нельзя.

– А я что, напором беру? – искренне удивился я. – Я просто купил букет.

– Ты рывкнул на неё с порога. Требовал, командовал. Она не Полина или Галя, Ром. Ты для неё слишком громкий. И она для тебя... – он замялся, подбирая слова. – Она для тебя будет недостаточно активной.

– Это мы посмотрим, – ответил я, хотя внутри всё кипело.

Недостаточно активной? Да я и не стриптизёршу ищу. Мне эта тихая, с её чёрными глазами и быстрыми пальцами, зачем-то стала нужна. Сам не понимал, зачем, но аж до трясушки.

Ахмад вздохнул с обречённостью человека, который уже знает, что спорить бесполезно.

– Ты просто не понимаешь, во что ввязываешься, Рома.

– Пойму. Я быстрый.

Это было и правдой, и ложью одновременно. Потому что в секунду, когда Алия подняла глаза и на мгновение встретилась со мной удивлённым непокорным взглядом, я понял,

что ни черта я не быстрый. Здесь скорость не поможет.

– В этом и дело, – продолжил Ахмад, словно озвучивая мои мысли. – Ты ломишься напролом, а с нашими так нельзя. С ними надо чётко соблюдать правила. Как у тебя во взрывном деле. Точное соотношение и пропорции. Чуть перебрал, и рванёт. А ты нашу таблицу Менделеева не понимаешь.

– Пойму, – упорствовал я.

– У тебя нет шансов. Наши выбирают наших.

– Я ей понравлюсь, – упрямо ответил я.

Ахмад снова вздохнул.

– В том-то и дело, Рапира. У наших выбирать будет не девушка, а её семья. Отец будет выбирать, понимаешь? И как он скажет, так и будет. А он предпочтёт своего по вере, диаспоре и укладу. Другого не будет, будь ты хоть сто раз хороший парень.

Я упрямо мотнул головой.

– Посмотрим. Сначала, надо девушке понравиться. Если ей не понравлюсь, какая разница, что обо мне будет думать её отец?

Ахмад покачал головой.

– Ты упрямый, ты выбился во взрывотехники, но тут надо другое. Я тебя предупредил, Ром.

– Что?

– Ничего. Просто... Будь осторожен.

– С ней? – спросил я, не оборачиваясь.

– С собой, – ответил Ахмад качнув головой в сторону

стрельбищ. – Не теряй форму. А то с девушкой ещё может и не увидишься, а по службе уже мажешь.

И вот это было справедливо. В обед я нырнул в душ. Постоял под ледяной водой, пришёл в себя. Вернул концентрацию и в спаррингах был собранным и даже новый приём отработал. А после службы рванул в «Солнышко».

Но Алии там не оказалось. За прилавком, с призывной улыбкой стояла пышечка Полина.

– О, Роман! – обрадовалась она. – Опять букет нужен?

– Нет, я... – Мне впервые сложно было подобрать слова. – А где новенькая? Которая утром работала. Такая, в платке.

– Алия? – Полина понимающе кивнула. – Она до обеда была. У нас теперь плавающий график.

– А завтра она будет? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

– Не знаю. Нам теперь только утром говорят, кто в какую смену. Что-то хозяин мудрить начал.

– Понятно.

С Полиной мне больше не о чем было говорить. Я развернулся и вышел. На улице остановился, перевёл дух. Плавающий график. Отлично. Просто отлично.

Но сдаваться я не собирался. Приходил трижды до службы, но Алию не заставал. А вечером был или с задания, или вовсе домой не возвращался. Полина надо мной сжалилась. Хитро прищурившись, протянула мне листок с номером.

– Если наберёшь мне, смогу по утрам отправлять смс-ки,

кто в какую смену, а то ты тут полы протопчешь перед прилавком.

Я обрадовался, словно выиграл в лотерею. И когда получил сообщение «Алия сегодня с 7», примчался к самому открытию детского центра. Но теперь входил медленно, чтобы не спугнуть. Старался затормозить движения.

– Доброе утро, – начал я.

Девушка вскинула на меня свои почти чёрные глаза и ментально потупилась.

– Доброе утро, – тихо ответила она. – Вам нужен ещё один букет?

В груди потеплело – вспомнила меня. Может тоже думала.

– Нет. Пришёл сказать спасибо за предыдущий. Кадровичке понравился. Ольга Петровна велела целовать ручки мастеру по букетам.

Девушка взглянула на меня, смутилась и снова опустила глаза. Но уголки её губ дрогнули в тонком намёке на улыбку.

– Спасибо. Что-то ещё нужно?

– Познакомиться. Меня Роман зовут.

Девушка едва заметно качнулась назад, бросила быстрый взгляд по сторонам.

– Это лишнее. Я могу только по работе разговаривать. Если вам больше ничего не нужно, я буду цветами заниматься.

Алия кивнула, обозначив поклон. Словно точку поставила. Не поднимая взгляда, скользнула к полкам с вазами, а я судорожно придумывал, что можно сделать.

На боковой витрине увидел плюшевые игрушки, шоколадки и конфеты. Улыбнулся. Идея созрела моментально, и я потянулся к мягкому медвежонку.

– Алия, – позвал продавщицу будничным тоном. – У меня к вам служебное задание.

Сорвалось

– Чем я могу помочь? Алия снова подошла к моему краю прилавка. Но не вплотную, а так, на расстоянии. Будто опасалась меня и пряталась за этой стекляшкой. Вот наивная. Если я захочу, перемахну её даже без разбега.

Но девушку барьер между нами устраивал. И я тоже внутренне улыбнулся. Если противник спокоен и расслаблен, у нас есть преимущество. Поэтому бдительность надо было усыплять качественно.

– Вот у вас тут всякое на витрине. Это для чего? Вы же цветами торгуете.

Девушка кивнула и снова только обозначила углами рта улыбку.

– Это в добавление к букету. Например, мягкие игрушки можно прямо в цветах закрепить. А конфеты вручить просто так. Или вставить между цветами. Кому как нравится.

– А для кого это? Для девушки на свиданье пойдёт?

– Конечно. – Её лицо стало мягче. Она едва заметно улыбнулась чему-то своему. – Медвежат и котят девушки любят. И к сладкому хорошо относятся, даже если на диете. И потом, – она уверенно качнула головой, – цветы завянут, а игрушка останется. Да и коробочка от конфет красивая. В ней потом можно хранить какие-то мелочи. У девушек бывает разное. Заколочки или там бусинки для рукоделия.

Мне показалось, что говоря со мной она мечтала о своём. О каких-то девичьих радостях.

– А вы занимаетесь рукоделием?

Лицо девушки моментально ожило. Она оживилась. Резко подняла глаза, взглянула с упоением, и у меня в голове щёлкнул детонатор. Она тут же опустила глаза, но я успел заметить. Она вообще нетихая! Она огненная за этим занавесом ресниц!

– Я на преподавателя технологии учусь. Заканчиваю уже. Я знаете, сколько всего руками умею! И шить, и вышивать, и конструировать. Даже вязать, прясть и валять, – продолжила девушка.

– Дурака? – не понял я.

– Войлок! – хихикнула Алия. – Знаете, такие бывают мягкие брелочки на ключи или игрушки в домах, похожие на разноцветные валенки на ощупь? Это войлок. Его специальными иглочками уплотняют и собирают в нужную форму ёжиков, медвежат, бельчат и заек.

– А здесь подрабатываете? – уточнил я.

– Нет, конечно! – она возмущённо отшатнулась. – Практику прохожу. Сбор букета – тоже рукоделие. Да и удобно: от дома недалеко, а когда отработаю, мне поставят часы. Да и новый навык пригодится. У сестрёнки свадьба скоро. Смогу помочь с цветочными композициями.

У неё даже щёки порозовели от восторга. Сразу было понятно, что её это восхищает, увлекает и радует. И что она

не рыба мороженная, а прячется у самого дна. Старается не выдать своей пылкости.

Запомним.

Будто услышав мои мысли, Алия спохватилась. Провела ладонями по ткани своего длинного платья, словно разглаживая несуществующие складки. Разглядывая пол перед собой, спросила:

– А вам что нужно?

– Мне какой-то милый подарок для девушки.

– Какие-то особые пожелания?

– Соберите на ваш вкус.

Она кивнула, деловито шагнула к витрине. Осмотрела ассортимент.

– С цветами?

– Давайте сегодня без них.

– Тогда возьмите вот этого медвежонка. Он миленький и небольшой. Девушкам иногда неудобно с крупными игрушками. Их некуда ставить. А маленькую можно и на подоконник, и на тумбочку у кровати.

Она взяла в руки шоколадного пушистого медведя размером с половину листа для принтера. Скользнула взглядом по полкам. Склонила голову набок, словно прислушиваясь к собственным мыслям. Я следил за каждым жестом.

– Можно ещё конфеты.

– Какие лучше?

– Вот эти, – Алия указала пальцем на коробку с ассорти.

– Там молочные с орешками.

– А другие?

– Они с помадкой. Их лучше не берите. Она на любителя.

Алия поджала губы и на секунду сморщила нос. Я внутренне усмехнулся. Понятно. Что ж тут не понять? Не нравятся ей с помадкой. Запомним.

– Что ещё посоветуете? – спросил я, уже предвкушая удовольствие от сюрприза.

– Если финансы позволяют, – на этом месте девушка смутилась и нахмурилась, будто испугалась, что вторглась в личное пространство. – То можно всё сложить вот в такой подарочный пакет и украсить бантом.

Она замерла, ожидая моей реакции. Я миролюбиво продолжил

– Позволяют. Упакуйте, пожалуйста, красиво. Хочу, чтоб девушке понравилось.

Алия облегчённо выдохнула и сорвалась с места. Она принесла розовый с прозрачным окошком пакетик. Выложила на прилавок несколько лент и кружево. Приложив их к упаковке, оставила только три.

А потом сворачивала, подгибала, заматывала. Я смотрел на порхание её тонких пальчиков, как замороженный. Смотрел, как на лице вспыхивают блики радости. Когда закончила, на секунду взглянула мне в глаза. И я почувствовал, что и сам счастлив.

– Вот. Всё готово.

Только теперь я перевёл взгляд на подарок. В розовом пакете, как в витрине, красовался медвежонок на фоне коробки конфет. Сверху к подарку был привязан роскошный бант.

Не отрываясь взглядом от подарка, я оплатил покупку. Алия стала какой-то светящейся. Было видно, что ей понравился результат. Она смотрела на подарок мечтательно.

– Пусть вашей девушке понравится, – сказала она.

Сдвигая пакет в мою сторону, Алия всего на секунду поджала губы. И мне так захотелось, чтобы это был намёк на ревность к несуществующей девушке. Я улыбнулся и переставил подарок ближе к ней.

– А это вам, – сказал я.

Алия замерла.

– Что? – прошептала она.

– Вам, – повторил я. – Нет у меня никакой девушки. Это для вас.

Она охнула. Посмотрела на меня, впервые не отводя глаз. В них был не просто страх. Ужас. Настоящий, живой ужас.

– Я не возьму, – сказала она глухо, выставив перед собой руки и делая шаг назад. – Это неправильно.

– Почему? – спросил я, хотя уже догадывался.

– Потому что... – она запнулась, опустила руки, стараясь выглядеть спокойно, но кисти в кулаки сжала. – Я не могу брать подарки от мужчин. Это плохо скажется на моей репутации. Моя семья... – она не договорила.

– Никто не узнает, – сказал я тихо.

– Аллах узнает, – ответила она так же тихо, и, опустив взгляд, добавила, почти шёпотом: – И моя совесть.

Она решительно шагнула к прилавку и сдвинула подарок в мою сторону. Её пальцы дрожали.

– Заберите, пожалуйста. Я не могу.

Я смотрел на неё. Она стояла, опустив голову, и я видел, как тяжело она дышит. Будто я не игрушку подарил, а собрался ударить.

– И нет никаких возможностей сделать вам подарок?

Она решительно мотнула головой из стороны в сторону.

– Нет! – А потом добавила еле слышно, – заберите, пожалуйста. У меня будут неприятности.

И в её лице появилась такая беззащитность, что захотелось самому себе врезать между глаз, чтобы не обижал девушку.

– Хорошо, если вам так надо, – сказал я и забрал пакет.

Алия выдохнула. Плечи опустились, а из лица ушло напряжение.

– Спасибо, – прошептала она. – Спасибо, что понимаете.

Я не понимал. Вообще ничего не понимал. Но спорить не стал. Я бы сделал что угодно, только бы она не смотрела на меня, как на насильника. Я и взглядов-то таких никогда не видел.

Будто я ей не конфеты предложил, а переспать на виду у посетителей детского центра. Хотя, половину моих знакомых и это не привело бы в ужас. Решили бы попробовать для

остроты ощущений.

А эта испугалась так сильно, что мне стало стыдно. Хотел же как лучше! Всегда прокатывало! Даришь подарочки, ведёшь в кафешку. Дальше – общение без проблем. Хотя и без конфет можно.

А с этой сработало наоборот!

Злясь на себя, я широкими шагами дотопал до проходной. Приложил карточку и шагнул на территорию. Но и тут мне не повезло. Прямо перед КПП стояли наши бойцы.

Они моментально оценили и мою недовольную физиономию, и розовый пакетик с развевающимся бантом. Бомба присвистнул. А Ахмад, разочарованно вздохнув, пошёл в сторону входа. Я двинулся следом.

Думал, что ничего хуже пустой мишени и командирской взбучки, нет. Но оказалось, что больнее, когда девушка смотрит на твой подарок как на преступление, а на тебя как на насильника.

И это просто взорвало меня изнутри!

Совет

На службе некогда думать. После пробежки сегодня было плотное физдо. Спарринги выбивали из головы все лишние мысли. Там приходилось выкладываться по полной.

Ещё и Каспер достался в противники. Он ниже меня сантиметров на 30, и человеку неопытному показалось бы, что для меня это преимущество. Но у Олега невероятная гибкость, прыгучесть и изворотливость, а мне приходилось двигаться, согнувшись пополам.

Андрюха, которого Каспер уделал передо мной, бурчал себе под нос:

– Дали бы кого-то подходящего по весовой категории или хотя бы по габаритам.

– Не позорься, – вынырнул из раздевалки Кобра. – А на задании ты что будешь говорить, если тебе попадётся такой Каспер? «Простите, уважаемые преступники. Я вас задерживать не буду. Сейчас привезут кого-то соответствующего вам по комплекции, и он вас скрутит». Так ты это себе представляешь, да?

– Каспер на светлой стороне, – продолжал бурчать Андрюха, растирая ушибленный локоть и самолюбие заодно.

– Вот и тренируйся с ним, чтобы потом не стонать на выезде, – осадил его Кобра. – И молодняку не показывай пример нытья. А то вон – полоса препятствий в круглосуточном

доступе. Боекомплект в зубы и на марш-бросок.

Андрюха тут же подобрался и двинулся к груше в углу. Лучше тренироваться тут, чем на полосе препятствий. Вообще всё лучше, чем там. Ну, кроме выезда, разумеется.

И пока я был загружен так, что едва успевал выровнять дыхание, всё было нормально. А когда отпустили на перерыв, снова приуныл. Потому что перед глазами стоял розовый пакет с бантом и перепуганные глаза Алии.

– Не срослось?

Ахмад плюхнулся на скамейку рядом и вытянул ноги вперёд. Я оперся локтями о колени и зыркнул на него недобро.

– Она в ужас пришла. Я ей игрушку протянул с конфетами, а она смотрела, будто я бомбу под прилавок бросил.

– А я тебе говорил, – вздохнул Ахмад. – Нельзя так. С нашими нельзя.

– Почему? – спросил я, разворачиваясь к нему лицом. – Объясни нормально. Не про «репутацию» и «Аллах узнает». А по-человечески. Почему она испугалась?

Ахмад помолчал. Тоже согнул ноги в коленях и упёрся локтями. Сгруппировался.

– Потому что для неё подарок от мужчины – угроза. Это обязательство. Если она возьмёт, ты будешь думать, что она что-то должна. А она не может быть тебе должна. Она не может быть должна никому, кроме своего будущего мужа и своей семьи.

– Я не считал бы, что она мне должна. Я дарил от чистого

сердца, а не чтобы обязать. Ты же меня знаешь.

– Я знаю. А она не знает. Она видит чужого, громкого, настойчивого мужчину и думает, что это с умыслом. И если она возьмёт, то ты решишь, что она согласна. А она не согласна. Она не может быть согласна. Потому что не она решает.

– А кто решает? – упорствовал я.

– Отец, конечно, – сказал Ахмад. – Семья. За неё всё решают другие. И она боится сделать шаг, который они не одобряют. Потому что шаг в сторону – это падение. И потом можно лишиться поддержки семьи. Остаться одной – что может быть хуже?

– И что мне делать? – спросил я.

– Отойти в сторону, – пожал плечами Ахмад. – Найти свою девушку из ваших. Хорошую. Их тоже много. Просто надо присмотреться внимательно. Выбирать не на гулянках, а в деле.

– Не хочу их, – сказал я.

– Знаю, – Ахмад вздохнул. – Потому и вляпался.

– Да я же всё правильно делал. Пришёл тихо, поздоровался. Не давил. Дал ей выбрать самбуй, то что нравится. Оплатил и подарил. А она испугалась, понимаешь?

– Понимаю. А чего ты хотел добиться? – спросил он.

– Чтобы ей было приятно, – ответил я.

– А ей было страшно. Не одно и то же, Ром.

– Да понял я уже!

Я дёрнулся и начал сматывать эластичный бинт с колена.

Ахмад качнул головой. Изучал меня долго, прищурившись. Потом кивнул, принял, что я не стал спорить или оправдываться. Увидел, что хотел понять.

– Она тебя не знает, – сказал Ахмад. – Ты для неё – чужой мужчина. В её мире так не начинают. В её мире сначала смотрят. Долго. Издалека. И все вопросы решаются мужчинами. Её отцом. Будущим мужем. Но не ею.

– Но это же бред! – я не удержался. – Не в каменном веке живём.

– Чудак ты человек, – Ахмад усмехнулся. – Если тяжёлая сумка, даже любая женщина захочет, чтобы донёс мужчина, не только наша. Отношения – тоже мужская ноша, Ром. Не в смысле «тащи», а в смысле «обеспечь защиту». А она и не приучена с мужчинами общаться, и не умеет. Значит, боится.

– Значит, надо научить, – упрямо сказал я.

Ахмад склонил голову набок.

– Значит, не надо напрягать. Нагружать непосильным. Ты бы новобранцу с ходу норматив спецназа дал?

Я промолчал. Потому что он был прав.

– Значит, надо постепенно приучать?

Ахмад снова качнул головой, но уже с досадой.

– Не понял ты ничего. Как думаешь, надо девчонок натаскивать на тест Купера? Не сразу, а постепенно, например, за год.

– Глупость, – фыркнул я. – Им это даром не сойдётся, да

и тяжело. Да и не про физю я говорил, а про общение.

– И я про него. У наших девушек нет необходимости общаться с чужими мужчинами. Это и бесполезно, и тяжело. Наша девушка из понятного мира, выстроенного отцом, перейдёт в дом мужа. Другие ей не нужны. Они как латынь. Слова есть, но язык мёртвый, ненужный. Ей на всю жизнь надо будет выучить язык мужа. И чужие мужчины нашу девушку только пугают и напрягают. Лишняя нагрузка, а больше ничего.

Ахмад замолчал.

– И что мне делать? – спросил я.

– Главное, чтобы ты понял, чего тебе НЕ делать.

Кобра хлопнул в ладоши, и мы продолжили спарринги. Хотя мысль Ахмада мне казалась глупой, я пытался её понять. У меня было ощущение, что затвор заклинило намертво, а перестать давить на курок я ещё не мог.

Подготовка к свадьбе

Дом дяди Расула встретил меня запахами выпечки и свежезаваренного чая. Мама сидела рядом с тётёй Зухрой в кухне на диване. Сестра Самира устроилась рядом на стуле с высокой спинкой. Пили чай с булочками.

Мне нравилось тут бывать. В доме папиного брата, как и у нас, было всегда тихо, словно время переставало бежать вскачь и замедлялось, как горная река, вырвавшаяся на равнину и текущая теперь по широкому руслу.

Сегодня в жестах и словах родственников была заметна нервозность. Самира то и дело перелистывала картинки на планшете. Показывала их тётёе Зухре и маме. Когда я вошла, все подняли головы.

– Заждались тебя, Алия, – тихо сказала тётя.

– Пришла сразу после работы.

Тётя Зухра озабоченно покачала головой.

– И что Махмуд тебя поставил к прилавку, как нищую? Не жалеет тебя отец, да, Алия? Люди бывают разные, и обидеть могут.

Я вспомнила голубые глаза незнакомца по имени Роман. Его порывистость в первую встречу. А потом нарочитую медлительность. Внимание голубых глаз. И его слова: «Это для вас». Но промолчала.

– Мы не в лесу живём. Детский центр – хорошее место

для практики, – ответила мама. – Букеты покупают мамочки с детьми. Мужчины почти и не заходят. Мы смотрели по камерам. Жамал нам это место советовал. Ему можно доверять.

Я молча поставила стул рядом с сестрой. Рассказать про происшествие с подарком было недопустимо. Если бы узнал отец или дядя Расул, я бы больше из дома не вышла, не то что на практику.

И так в детский центр запрятали, потому что в гимназии и директор, и завуч, и ещё семеро учителей мужчины. Постоянно вместе и кабинеты есть, которые на ключ запираются. В цветочном киоске на виду, среди людей. Так безопаснее.

А если меня запрут дома, выйдет плохо. Будет стыдно, что нарушила традицию и не смогла вести себя подобающе. Да и с практикой отцу придётся лезть в глаза к знакомым: поставьте дочке, а то она непутёвая.

Как только я представила сердитого папу, у меня задрожали руки. Буду сидеть дома без выхода. Да и с детьми придётся прекратить занятия. А я уже им пообещала. Они ждать будут.

– Всё равно как-то тревожно, Мариам, – не отступала тётя Зухра. – Уж поскорее бы всех замуж раздать и спокойно внуков нянчить.

– Скоро уже. У тебя младшая и у меня младшая. Сейчас твою отдадим, потом за моей придут. Давай салфетки складывать на стол. А то, три недели быстро промелькнут. Надо

будет о другом думать.

Мы с сестрой вскочили на ноги. Быстро убрали со стола. Мне Самира налила сока и протянула блюдо с булочкой, пока сама мыла посуду, бросала на меня беспокойные взгляды. Сестра стала какая-то пугливая перед свадьбой.

Тётя Зухра принесла на кухню гладильную доску. Потом они с мамой достали огромные стопки салфеток и пульверизатор. Мы встали конвейером и начали работать.

Самира сбрызгивала ткань водой. Тётя Зухра проглаживала её и передавала мне. Я продевала салфетку в декоративное кольцо и складывала в замысловатую фигуру. Мама сбрызгивала её крахмальным раствором и выкладывала на стол.

– Как ты хорошо придумала, Алия, с салфетками. Ни у кого таких красивых не видела на праздниках, – сказала тётя Зухра.

– Спасибо.

Мне было и неловко, что хвалят за доброе дело для сестры, и приятно, что моя идея пригодилась. Понравилась старшим. Когда ещё муж начнёт хвалить. А пока было приятно одобрение семьи папиного брата.

– И кольца ты красивые сделала, – подхватила Самира. – Как это называется?

– Сутаж, тётя Зухра.

– Красиво. словно не шнуры переплетаются, а золотые полосы. На стол поставим, будет сиять.

У неё на лице появилось такое мечтательное выражение. Даже спина стала прямее. Было видно, что тётя, хотевшая удивлять свадьбой дочери, моей придумке обрадовалась.

– А украшения на вазы? – Тётя Зухра повернулась в мою сторону. – Готовы уже? Или ты со своей практикой не успеешь?

Теперь она рассматривала меня, сурово сдвинув брови.

– Как можно, тётя Зухра, – ответила я. – Уже 15 штук готово. Остались две и одно для букета невесты.

– Ты и для него сделаешь? – пискнула сестра.

– Сделаю. Ты же самая лучшая сестрёнка. Когда братья женились, я ещё ничего толком не умела. Только платки под макхр вышивала. А тебе уж расстараясь.

Самира бросила пульверизатор на диван и кинулась обниматься.

– Чуть с ног не сбила, торопыга! – со смехом ответила я.

– Правда твоя, Алиа, – покачала головой тётя. – Такая у нас Самира порывистая. Хорошо, что уже сговорились. Мужу передадим, спать спокойно стану. А то, так и гляди за вами, молодыми. – А потом посмотрела на маму. – Хорошо, что у тебя Алиа рассудительная. К её свадьбе будем готовиться спокойно. Может, на празднике Самиры кому-то она глянется.

Мама на секунду поджала губы. Ей такой подход не нравился. Она выросла в другой семье и считала, что молодые люди сами должны находить себе пару. И никакие сговоры

за спиной счастьем не могли помочь.

Но мама была младшей невесткой, и с ней не очень считались поначалу. Только со временем, когда уже и веру приняла, и как рукодельница себя зарекомендовала. Но и то, все помнили, что она «не наша».

Мама спорить не стала. Сбрызнула крахмалом очередную салфетку и ответила спокойно:

– Посмотрим. Ей ещё полгода учиться.

А я вдруг представила, как на красивой свадьбе Самиры на меня будут глазеть мужчины, обсуждать, кому я подойду. И, светлое девичье желание выйти замуж подёрнулось тревожным предчувствием.

Потому что люди разные. А мне хотелось хорошего. Чтобы сердце не замирало, как у Самиры, а радовалось.

Задание

Служба каждый день разная. Иногда можно целую неделю просидеть в расположении отряда. А можно сутками рваться с выезда на выезд. И это одинаково тяжело.

Хотя кого я обманываю? Сидеть в учебном классе и тренироваться в спортивном зале легче. Потому что даже на спаррингах мы понимаем, что всё это только игра. Ничего значительного тут произойти не может.

Казалось бы, ходи себе на службу, наслаждайся учёбой и спортом, к которому у нас почти врождённая тяга. Но выматываешься гораздо сильнее. Потому что без настоящего дела, к которому нас готовят каждый день, мы чувствуем, что живём зря.

– Рапира, Барс, Каспер, Тигр, Беркут – на выход. После душа в кабинет оперативного планирования.

Нестеров не стал дожидаться нашего ответа. Едва он скрылся за дверью спортзала, мы ринулись выполнять приказ. В крови забурлило. Гражданские ищут своё предназначение, мы его выполняем на заданиях.

Это наполняет жизнь смыслом. Оправдывает тяготы службы и даёт силы на выезде, словно переводя нас в режим предельных возможностей. И особой ответственности заодно. Куда же без этого.

Мы не адреналинщики. Мы – последний рубеж закона.

Это и гордость, и тяжесть на плечах. Мы никогда именно так не думаем. Но этот смысл спрессован в мгновение после команды старшего группы: «Начали!».

А потом только работа на рефлексках и единственная цель – выполнить задание. А они бывают разные. Любая мелочь может быть важной. И усаживаясь за столы, мы переглядывались. Ждали. Ловили каждый звук.

– Работаем сегодня в ТЦ «Центральный». Фигурантов трое. Могут появиться с остановки общественного транспорта, с наружной стоянки и из подземного гаража. Внешняя задача: отследить путь появления, транспорт, состав и количество группы. Фиксировать любые мелочи. Действовать поодиночке. Связь через общий чат. Тщательно собирать информацию. В контакт не вступать ни с фигурантами, ни друг с другом. Увидели – прошли мимо.

Мы снова переглянулись. Глаза у всех уже блестели. Сейчас наша группа напоминала псов, в предчувствии охоты. Нестеров не торопился нас отпускать. Кончики его русых волос топорщились, словно крохотные иголки ежа. Значит, дело серьёзное.

– Запоминаем фигурантов. Имена и фамилии вам сейчас не важны. В чате и рапорте обозначаем номерами. Первый фигурант.

На экране интерактивной доски появился мужчина лет пятидесяти. Сначала были его фотографии в разных ракурсах: в профиль, анфас, со взглядом из-за плеча. А потом рос-

кошь, которая стала доступна только недавно – видео.

Он жал руки, шёл к машине, резал кусок мяса за столом. Кадры были разного качества, но даже за самый мутный и трясущийся, мы были благодарны. Потому что в них были заметны особенности пластики.

По ним можно и в парике опознать, и даже в женском платье. Хотя такого громилу сложно представить в девичьей одежде. Но дёрганная походка его и в костюме Деда Мороза этим летом выдаст.

– Надеюсь, всем заметны особенности Первого. Шрам, рассекающий правую бровь, неправильно сросшийся левый мизинец и травму левой ноги, которая сейчас даёт знать шаркающей походкой. – Нестеров совершенно бесстрастно продолжил. – Подстрелили его в прошлом году, а братъ будем в этом. Поэтому присматривайтесь. Каспер – этот твой.

– Так точно.

Мы сдержанно кивнули, словно намертво впечатывая рассечённую бровь, полноватую фигуру с круглым животом, проседь на висках. А ещё искалеченный мизинец и походку рыбы, насаженной на крючок.

– Фигурант Два. С ним не должно быть вопросов. Рост – метр девяносто семь. Его будет видно в любой толпе. Но опасен и изворотлив больше других. Всегда выходит сухим из воды. С ущербом для окружающих.

Бойцы группы напряглись. С ущербом. Значит, были потери от контакта с этим длинным блондином. Я буду ниже,

хотя чаще всего смотрю на всех сверху вниз. Значит, мой взгляд будет чуть вверх.

Я попробовал приподнять голову. Шея отозвалась ноющим сигналом от незнакомой позиции. Запомним. И вот это его жест, когда наклоняется вперед. Словно автомат ловит.

– У Второго опыт работы в горячих точках. Его ребята из Сибири передали. Он с чужой земли, но здесь, как свой. Действует дерзко. Работать по нему чисто. Не лезть в близкий контакт. Наблюдать издалека. Барс, этот твой.

– Так точно.

– Третий фигурант – девушка. Но, чтобы сразу развеять ваши сомнения, покажу вот это.

Нестеров щёлкнул по доске, и мы увидели фото. Блондинка с высоким хвостом стояла в кимоно на пьедестале с тремя медалями на шее. В руках держала грамоту и статуэтку областных соревнований по единоборствам.

– Неоднократная чемпионка области по айкидо. Руками не трогать. Не приближаться. Не вступать в контакт, не флиртовать. И, главное, не пропустить.

И снова на экране девушка. Блондинка с распущенными волосами, с хвостом, с причёской набок. Голубые глаза, длинные пушистые ресницы. Походка тренированного бойца. Плавная, текучая.

И взгляд.

Прямой. Уверенный. Прямо в глаза собеседнику. Долгий. С вызовом и высокомерным прищуром. С пониманием сво-

ей силы. С желанием испытывать силу противника.

Мужской.

Третья боролась с миром. Бросала вызов собеседнику. Провоцировала его на необдуманные действия. И в сопернике это было интересно. А в девушке? Ещё неделю назад я бы ответил, что тоже волнует.

А сейчас я смотрел на высокомерный прищур и думал, что давно не встречал нежности в девушках. Задора полно, смелости хоть отбавляй. А вот со скромностью беда.

И сразу перед глазами встала девушка в платке, быстро отводящая взгляд своих чёрных глаз.

Значит, пока ещё есть. Встречается. Встретилась уже. И теперь надо не упустить.

В чём отличие?

Профессионалов уровня Нестерова единицы. Начал снайпером, стал заместителем командира отряда спецназа. Он точно понимал, кто из нас на что способен. Его задания всегда были посильной ношей. Не лёгкой, а профильной.

Но сегодня меня его распределение ролей зацепило.

– На видео наблюдение ТЦ надежды нет. Я связывался с безопасником. По странному совпадению, – эти слова Павел Владимирович выделил голосом, – они сейчас проводят модернизацию системы. Камеры есть, видео – нет. Так что Тигр, твоя зона ответственности подземная парковка. На чём приехал, чем платил, куда пошёл – всё твоё. – Нестеров побарабанил пальцами по столу. – И помни, противники серьёзные. Ты ищешь их, а они тебя. Подумай, на каких местах они будут искать слежку. Туда точно не становись. Что увидел – сразу в чат.

– Так точно.

– Дальше. – Нестеров снова побарабанил. – Рапира – не тебе центральный вход. Не только остановка общественного транспорта, но и выход с наземной парковки. Оба потока сойдутся у вращающихся дверей. Но, как и от Тигра, жду быстроты реакции и своевременной передачи информации. Остальное на себя берут Каспер, Барс и Беркут.

Тройка качнулась вперёд. Нестеров ставил задачи другим

бойцам.

– Каспер – берёшь на себя первый этаж. Принимаешь фигурантов от Тигра и Рапиры и ведёшь до второго этажа.

– Есть.

– Барс – твоя зона ответственности второй этаж. Сделай всё, как ты умеешь. Не бросаться в глаза, но собрать всё, что можно найти. Обращай внимание не только на сам факт встречи. Мне нужна динамика. Малейшие зацепки поведения. Кто с кем не ладит, у кого главенствующая партия, а кто на второстепенных ролях. Мне нужны не только факты, но и твои догадки. Смотри вглубь их встречи. Дай мне максимум.

– Так точно.

– Беркут. Теперь задание для тебя. Кроме наблюдения за третьим этажом, координация операции. Если увидишь, что нужно перегруппироваться – ты старший. Цель: зафиксировать встречу всех троих, узнать, как передвигались, разобраться в иерархии. При этом остаться незамеченными. Задача ясна?

– Так точно.

– Тогда оставаться в гражданской экипировке. Действовать по обстоятельствам. Смотреть в оба. Начинать наблюдение с одиннадцати тридцати. Фиксировать только момент встречи. Остальной только при двестипроцентной уверенности, что не засекут. На объект добираться поодиночке. Друг с другом не общаться даже при встрече. Вернуться в отряд только после команды Беркута. Всё понятно?

– Так точно.

– Выполнять.

Мы встали на ноги и потянулись к выходу. У самой двери я затормозил, пропуская вперёд бойцов. Вернулся к столу Нестерова. Тот посмотрел на меня с интересом.

– Есть вопросы, Роман?

– Да, один, можно сказать, личный. Разрешите обратиться?

– Давай, только быстро, как ты умеешь.

Нестеров кивнул, указывая на стул за столом напротив. Я сел, сцепив перед собой руки.

– Павел Владимирович, я хотел уточнить по поводу сегодняшней операции.

Нестеров нахмурился. Отодвинул в сторону папку с документами.

– Не понял. Так по личному или по операции?

– И то, и другое.

Теперь нахмурился я. Зная, что хуже дурацкого вопроса, только незаданный дурацкий вопрос, продолжил.

– Я хочу уточнить, почему в нашей группе так распределены роли для наблюдения?

– Недоволен выбором командира?

Вопрос был задан тихо и спокойно. Но от Нестерова повеяло таким холодом, словно я внезапно попал в ледяной сугроб.

– Никак нет. И в мыслях не было.

– А что было в мыслях, кроме поставленной задачи?

Нестеров уменьшил свою ледяную атаку, но полностью её не прекратил.

– Опыт старшего товарища. Я хочу понять, почему я остался снаружи ТЦ?

– Для каких целей?

– Чтобы лучше понимать собственные способности на будущее. Лучше выполнять поставленные задачи.

– И всё?

– Так точно.

Нестеров качнул головой, словно прогоняя лишние мысли.

– Тогда мой ответ такой. Ты быстрее других схватываешь информацию. Видишь главное, основное. Значит, скорее заметишь фигурантов в плотном хаотичном потоке людей. Там картинка будет меняться со скоростью калейдоскопа. Нужны точечные взгляды и моментальное отсеивание ненужного. Раз, два, следующий. У тебя это сильная сторона. В работе с потоком людей ты не раз показывал лучшие результаты.

– Понял. Тогда у меня ещё вопрос. – Взгляд Нестерова был настороженным. – А можно ли было меня поменять с кем-то внутри ТЦ?

– Хочешь на чей-то пост? – снова напрягся заместитель командира.

– Нет. Я хочу понять. Бывая старшим групп я хочу понимать, кого и куда ставить в подобной ситуации.

Лицо Нестерова смягчилось. Нет, до улыбки дело не дошло, но лупить по мне мелкокалиберными он перестал.

– Толково. Тогда мой ответ – в группе выбрано оптимальное распределение ролей. Вы с Тигром самые быстрые и чётко реагирующие в ситуации высокой скорости принятия решений. На вас входы. Каспер и Барс умеют долго просеивать крупинки информации с одинаковой интенсивностью внимания. Фиксировать мельчайшие изменения настроения, поз, и, главное в сегодняшнем задании, тонкости взаимодействий.

– Я так не могу?

Нестеров отвернулся к окну и повернулся обратно уже задумчивым.

– Ты можешь. Но это тебе менее свойственно. Ты человек коротких быстрых кардинальных решений. Медленное кропотливое наблюдение тебе несвойственно. Ты можешь перебороть себя и три часа рассматривать стекающую по стене ТЦ воду фонтана. Но это будет стоить тебе больших усилий. И тогда это не просто сложное задание, а работа на преодоление. По сути, это как дать тебе автомат в свинцовом чехле. Глупая перегрузка.

Нестеров замер. Мне хотелось поблагодарить его и выйти. Но я заметил изучающий взгляд. Замком никогда не отвечал на незаданные вопросы. Значит я что-то упустил. Но понять, что именно – не мог.

– Павел Владимирович, это не единственная причина?

Теперь губы Нестерова тронула едва заметная улыбка.

– Хороший вопрос. Да, действительно, эта причина основная, но не единственная. – Нестеров качнулся вперёд, словно собираясь открыть мне тайну. – Ты яркий. Тебя за версту видно и слышно. Тыходишь в комнату и, даже если молчишь, притягиваешь к себе взгляды. А во время длительного наблюдения надо стать незаметным. Уменьшить яркость. Стать белым листом, на котором отпечатается происходящее с фигурантом. Поэтому вы с Тигром снаружи периметра. На входе все немного слишком энергичны, суетятся, пробиваются сквозь поток. Там ваша индивидуальность не так бросается в глаза. А Каспер и Барс умеют растворяться, сливаться со стенами.

Во взгляде Нестерова появилась ясность. Я попрощался и двинулся к ТЦ. У меня в голове мелькали картинки и слова. Теперь я знал, что мне делать и чем я пугаю Алию.

И получил не просто шанс, а рабочий инструмент. Потому что я всегда действовал, как Рапира, а для скромной девушки это и на входе слишком. А я хотел двигаться дальше. Входа мне было мало.

Наблюдение

В спецназ меня брал Нестеров. Он только стал заместителем командира. Можно сказать, только шагнул из строя. Но и тогда был на голову выше нас в понимании службы.

Тогда я был таким счастливым, что меня взяли после года проверок и тестов, что вообще не вникал в его слова. Я в отряде! Я прошёл! Я спецназ! И так бесконечно по кругу.

Но то, что говорил Нестеров с позывным Балу, я запомнил почти дословно. Услышал тогда, а понимать начал только теперь. Наверное, пришло время. В работе дозрел мозг.

А при приёме Павел Владимирович говорил одно и то же, только разными словами:

– Учись каждый день. Спецназ – место для умных. Постепенно твои физические данные будут подкрепляться опытом и знаниями. Ты сможешь больше. Твоя работа станет эффективнее.

И я учился. А понимание начало приходить только теперь. К ТЦ я подходил медленно, рассматривая людей. Две мамочки лет двадцати пяти стояли под огромным навесом метрах в десяти от входа. Смеялись, периодически останавливая носящихся вокруг детей.

Напротив вращающихся дверей центрального входа остановка. Людей ближе к дороге больше. Они высматривали нужную маршрутку. Передвигались нервно, хаотично. С об-

ратной стороны те, кто встречал. Просто ждали, уткнувшись в телефоны.

Сбоку два выхода с наземной парковки. Если бы я только начал службу, встал бы сбоку от вращающейся двери. Оттуда прекрасно видно всех, кто входит. Но и я был бы заметен.

Сейчас я занял место с обратной стороны остановки. Стоя спиной к дороге, я как будто намерено отрезал себе и поток с автобусов, и тех, кто припарковал машину на площадке сбоку. При этом всех входящих в ТЦ видел со спины.

И это было глупо и очень умно одновременно. Никто не встанет в наблюдение на такую невыгодную позицию. А, значит, меня заподозрить в слежке было сложнее. К тому же, я имел лучший обзор, чем у входа.

Я смотрел в тонированные стеклянные поверхности фасада ТЦ. Они увеличивали резкость объектов. А ещё, находясь в тени навеса, уменьшали солнечный свет, который на остановке бил в глаза.

Обойдя ещё раз площадку перед ТЦ, я занял точку для наблюдения, достал телефон и замер. К моей радости, над входом загорелась бегущая строка рекламы. Теперь можно было смотреть на отражение, делая вид, что читаю.

Обзор был шикарным. Но теперь мне надо было стать незаметным. Я посмотрел на свою фигуру в отражении и понял, что торчу с прямой спиной и выправкой, как гвоздь, среди ссутулившихся людей.

Присмотрелся к парню возле урны у входа, я попробов-

вал встать так же сгорбившись и склонив голову набок. Тело запротестовало. Потом я перенёс вес на одну ногу, вторую словно приставив сбоку.

В отражении появился какой-то раздолбай. И чтобы завершить картину неприметного обычного гражданского, я достал из кармана упаковку со жвачкой и положил пару подушечек в рот.

Если бы меня в таком виде заметили на улице сослуживцы, мне бы вкатили по самое не балуйся. Офицер не может быть таким расхлябанным. Но сейчас я был гражданским. А, значит, максимально расслабленным.

И моя маскировка удалась. Из шестьдесят второго автобуса на асфальт выпрыгнул высоченный парень в кепке. Я моментально внутренне напрягся, внешне продолжая медленно пережёвывать жвачку с безразличным лицом.

Парень пружинисто приземлился. Сделал три быстрых шага, умело гася инерцию тренированным телом. А потом замедлился. Сделал вид, что такой же праздношатающийся, как и остальные.

Я продолжил смотреть на бегущую строку. Но вместо того, чтобы пойти в ТЦ, фигурант под номером два двинулся в бургерную напротив стоянки. А молодец! Теперь и он занял наблюдательный пост. Только внутри кафе.

Принял, понял, уяснил. Написал в чате: «Номер два в бургерной слева от входа. Джинсы, серая футболка, чёрная бейсболка». Судя по зелёным галочкам, все прочитали.

И снова я продолжил наблюдение со скучающим видом. Время от времени делал вид, что фотографирую объявление на бегущей строке и кому-то отсылаю. Привалился спиной к остановке.

Девушку я заметил в ту же секунду, как она вынырнула из-за угла ТЦ. Стремительная, с гордо поднятой головой. Эта не оглядывалась и не всматривалась в людей. Она была выше всего этого.

Сейчас она была в летнем длинном сарафане с красными цветами по белому полю. Я сфотографировал отражение девушки, пока она была боком. Выслал в чат с пояснением: «Номер три. Белое платье с цветами. Входит».

Каспер тут же шлёпнул «ок» и я снова вернулся к телефону, не глядя на фигуранта номер три. Жевать жвачку мне уже надоело, но она добавляла расхлябанности, поэтому выбрасывать сладкую резинку я не торопился.

Не спешил и второй. Только убедившись, что никто перед ТЦ не представляет для него угрозы, он вышел из кафе. Даже бургер не купил для прикрытия. Хотя, куда потом с ним?

Фигурант номер два медленно подошёл к вращающейся двери. Он несколько раз бросил взгляд на парня у входа и только потом шагнул внутрь. Я сделал фотографию в спину и скинул в чат.

«2 и 3 принял» – отписался Каспер.

«Первый со стороны подземного паркинга. Светлые брюки, голубая рубашка в клетку» – от Тигра.

«Принял» – от Каспера.

Оставаясь на площадке перед ТЦ, я медленно прогулялся до парковки, с которой вышла третья. Сфотографировал стоящие там машины с номерами, делая вид, что ловлю связь. Скинул в чат.

«Роман и Владислав свободны» – прилетело от Нестерова. Я поставил эмодзи отдающего честь и повернул в сторону бургерной. Нет, есть я не собирался. У меня появилась возможность продолжить наблюдение.

Жвачка полетела в урну. Походка стала мягкой, но не расхлябанной. Я вошёл в детский центр «Солнышко» через боковой вход. Сразу поднялся на второй этаж и только оттуда осмотрел цветочный киоск.

За прилавком было пусто. А вот за столиками перед ним сидела детвора. Мальчишки и девчонки дошкольного возраста что-то увлечённо мастерили. Между ними лавировала тонкая стройная фигура в длинном чёрном платье и бежевом платке.

Я встал так, чтобы меня не было видно снизу и как зачарованный рассматривал Алию. Ловил каждый жест, замечал, как она улыбалась детям. Кивала, помогала, успокаивала.

Мне нравилась эта картинка. И девушка трогала до глубины души. В какой-то момент она замерла, словно почувствовав мой взгляд. Подняла голову и посмотрела ровно туда, где я стоял. В груди зазвенело от напряжения.

Хочу шишку!

Алия смотрела точно в то место, где я стоял. Я задержал дыхание. Потом внутренне улыбнулся. Она не могла меня видеть, я хорошо выбрал точку обзора. Но ощущение, что меня заметили, было похоже на реакцию новобранца. Но я-то уже натренирован, поэтому справился.

Словно услышав мои мысли, девушка покрутила головой. Было видно, что она ищет изо всех сил. Но потому я и спецназ, чтобы быть скрытым даже на виду. И когда Алия растерянно качнула головой и склонилась к малышке за столом, улыбнулся.

Мне хотелось бежать дальше. Спуститься вниз, подойти и заговорить. Потому что стоять на втором этаже и смотреть было совершенно невозможно. Она там, а я?

А мне надо было не просто увидеть, что Алия занимается с детьми. Я теперь хотел всё про неё понять. Чем живёт? Что её вдохновляет? Чего хочет? От чего приходит в восторг.

И это было против моей порывистой сущности. Но я готов был мириться, потому что рассматривать Алию было приятно. С детьми она была искренней. Не пряталась за прилавком, подходила близко.

Я не мог рассмотреть, что именно они мастерят. На одном из столов увидел сухую ветку. Что-то из природных материалов, которые стояли на столах в коробочках и пакетах?

Но это было не так важно. Главным для меня была сама Алия. Она не раздражалась, когда малышня капризничала или не справлялась. Меня увлекала картинка её взаимодействий с детьми.

Малышку с разноцветными резиночками на кудрявых хвостиках, девушка часто брала за руку и мастерила при помощи её пальчиков. Показывала и обучала своими руками.

Когда подходила к вёрткому мальчишке, долго разглядывала его работу. Потом выпрямилась, покачала головой, а потом что-то говорила с очень серьёзным лицом.

Я стоял сбоку и прекрасно видел, как сначала мальчик отталкивал от себя поделку. Он резко мотал головой и ёрзал на стуле. А потом, словно загипнотизированный кивками Алиии успокоился.

Сел ровно, а потом спокойно продолжил мастерить поделку. Девушка ему кивнула и продолжила помогать другим детям. Мастер-класс продолжался. Малыши были увлечены, и я готовился к окончанию занятия.

Но вместо «спасибо, все молодцы», случилось непредвиденное. Девчушка с хвостиками начала плакать. Она оттолкнула от себя поделку и начала стучать кулачками по столу.

Алия кинулась её успокаивать. Сбежались мамочки детей. Все пытались справиться с обиженной девчушкой. Но та рыдала, мотая головой, и отталкивала всех, кто пытался помочь.

Алия плавно поднимала и опускала ладони, словно пти-

ца, машущая крыльями. Но малышка не могла успокоиться. Мать подхватила её на руки, и та продолжала реветь на плече. Остальные собирали вещи, активно жестикулировали.

Мамочки забирали детей вместе с поделками, а Алия с поникшей головой сдвигала столы на место. Собирала коробочки и ножницы на прилавок. По склонённой голове девушки и опущенным плечам я понимал, что она расстроилась.

Не успел ни о чём подумать, как ноги уже понесли меня вниз. Затормозил уже на лестнице. Нельзя к ней! Снова напугаю. И что тогда? Окончательно сбежит, а я не для того кругами хожу.

Замедлив спуск, вышел на первый этаж. Но свернул не в общее пространство детского центра, а к выходу. И там почти столкнулся с белокурой мамочкой, держащей на руках кудрявую девочку.

Дочка плакала безутешно. Она гудела на одной ноте, изредка всхлипывая. Блондинка пыталась успокоить девочку:

– У тебя получилась красивая рамочка.

– Не-е-е-ет! – плакала в ответ девочка.

– Мы вставим туда зеркальце, и ты сможешь смотреться сама или куколкам поставишь.

– Не-е-е-ет!

– Миланочка, мы покрасим её лаком для ногтей, и будет ещё лучше. Мне очень нравится твоя рамка.

– А мне не нравится! Не нравится! Без шишки она некрасивая!

– И без шишки красивая, – успокаивала мама.

– Нет! У Влада с шишкой, у Лизы с шишкой, а у меня бе-е-ез!

Девочка заплакала сильнее. Неловко перехватив ребёнка, блондинка уронила сумку. По полу рассыпались вещи. Раскатились карандаши и косметика. Я наклонился, чтобы помочь.

Мать озабоченно улыбнулась.

– Спасибо вам, – сказала она, когда я передал ей сумку.

– Не за что. Могу ли я вам чем-то ещё помочь? – спросил я, качнув голову в сторону ребёнка.

Мать сначала отрицательно замотала головой, а потом посмотрела внимательно.

– Можете. Миланочка, покажи, пожалуйста, дяде свою рамочку для зеркальца.

Девочка, ещё продолжая всхлипывать, повернулась в мою сторону. Я нацепил на лицо самую обворожительную улыбку.

– У вас есть рамочка? Для зеркальца? Правда?

Девочка вытерла слёзы пухлой ладошкой. Уставилась на меня голубыми глазами в обрамлении густых чёрных ресниц, как у Алии.

– Есть, – она снова всхлипнула. – Только без шишки.

– А посмотреть можно?

Девчушка взглянула на мать. Та кивнула с энтузиазмом. Малышка протянула мне руку, которой обвивала шею мате-

ри, и я увидел её поделку. На круглой основе, напоминавшей плоский браслет, был наклеен узор из природных материалов.

– Как красиво! – искренне восхитился я. – Ты это сама сделала?

– Сама. – Девочка посмотрела на мать, а потом продолжила смущённо, – тётя Алия мне помогала. Тут и семечки есть, и зёрнышки. А вот это, – она ткнула своим крохотным пальчиком в коричневый сухой цветок, – это бадьян.

Я любовался поделкой. Обычно мне такое вообще не нравится. Но на картоне был выложен красивый, продуманный рисунок. В нём переплетались причудливые цветы и похожие на листочки зёрна. И меня это завораживало.

– Красиво! Мне очень нравится!

– А мне не нравится! Не пойду больше к ней! У неё нет шишки!

Девочка снова уткнулась матери в плечо. Блондинка расстроилась.

– Но тебе же нравится у тёти Алии.

Дочка подняла голову и потрянула хвостиками с разноцветными резинками.

– Без шишки – не нравится!

У меня в голове мелькнула идея. Алия совершенно точно радовалась, занимаясь с детьми. Да и малышне нравилось мастерить поделки. Поэтому я ринулся в атаку.

– А если на следующем занятии у тёти Алии будут шиш-

ки?

– Не будет, – буркнула девчужка. – У неё закончились и взять негде. Она сама сказала.

– А если я принесу?

Девочка с мамой разом посмотрели на меня с надеждой.

– Шишки? – уточнила младшая.

– Шишки.

– Настоящие?

– Настоящие.

– Тогда приду.

Она милостиво кивнула головкой. Я перевёл взгляд на блондинку.

– Когда надо?

– В среду. У них занятия в понедельник, среду и пятницу.

– Она посмотрела на меня сердито. – Только вы не обманывайте, пожалуйста. Милана ещё больше расстроится. Она не любит, когда обманывают.

– Я тоже не люблю. Поэтому приходите в среду. Шишки будут, – сказал я и бегом бросился в отряд.

Потому что я привык выполнять обещания. А шишки для кружка Алии собирался добыть, даже если все ёлки в округе внезапно исчезнут.

Сначала семья

Работа в детском центре «Солнышко» нравилась мне в любой день недели, но особенно в понедельник, среду и пятницу. Ко мне приводили деток, и пока мамочки пили кофе или ходили по магазинам, мы мастерили.

Это как-то случайно вышло. Заказы на букеты я собрала и мастерила для Саамиры свадебные украшения. Сначала ко мне подошёл Владик, спросил, что делаю. Потом Милана с Савелием. Так и пошло.

И всегда был восторг и радость. Нравилось мастерить, любоваться результатом и просто общаться с детьми и их мамочками. После этих занятий хотелось делать что-то новое, необычное.

Каждый мастер-класс был успешным и радостным. И сегодняшний не был исключением. Но, сначала Савелий расстраивался, что забыл дома сушёный цветок, и я потратила много сил, чтобы вдохновить его продолжить работу.

А потом меня сковало чувство, что за мной наблюдают. Не в высшем смысле, а прямо тут. Левую щёку обжигало от ощущения слезки. Я чувствовала чей-то внимательный взгляд. Не наглый, но безотрывный.

Как у парня с букетом. У Романа.

Сердито поджав губы, я отрицательно качнула головой. Никто за мной не наблюдал. Я проверила. Посмотрела на

второй этаж. Там кроме отдела с развивающими играми ничего не было. Продавщицу Лену в слезке заподозрить было нельзя.

А после слёз Миланы, я и вовсе приуныла. Дети очень радные, а у меня не оказалось шишек на всех. Да и не нужны они были на такие маленькие поделки! Слишком выделялись на почти плоской поверхности.

Но у детей был свой идеал.

Сначала шишку захотел Влад. Лиза тут же повторила. Милана потянулась следом, но ей не хватило. Она так искренне расстроилась, что не сможет прилепить к своей аккуратной работе торчащего во все стороны коричневого монстра.

Девочка рыдала так громко, что её было слышно во всём детском центре. Убирая со столов, я слышала её крики. Потом они стихли. Глядя в сторону витражных окон, я боялась увидеть рыдающего ребёнка.

Но Милана с мамой никак не выходили. Я уже начала думать, что пропустила их в самом начале. Может пробежали со слезами, пока я собирала ножницы и коробочки.

Но через некоторое время, я увидела счастливую парочку. Улыбающаяся мама вела за руку хохочущую Милану. В ладошке она держала рамочку, которую мастерила на моих занятиях.

Меня это удивило. Мама Миланы плохо справлялась с её слезами. А тут они обе смеялись. Я замерла в удивлении, внимательно рассматривая обеих. И не успела среагировать,

когда позади них проскочил парень, ужасно похожий на Романа.

Да что ж такое! Он что, всегда теперь мне будет мерещиться?

Едва дождавшись окончания смены, заторопилась домой. Сразу же подступилась к маме.

– Мы можем съездить в парк?

– Зачем? – удивилась мама, ставя на стол тарелку с разогретым супом.

– Мне очень нужны шишки для занятий. Сегодня одной девочке не хватило, и она плакала на весь детский центр. Мне было так неловко, что не было шишек на всех деток.

Мама поджала губы. Она поставила на стол плетёную тарелку с лепёшками. Придвинула ложку и зелень в блюде.

– У Самиры свадьба. Тётя Зухра с тобой поехать не сможет. Я стараюсь успеть с вышивкой на постельном белье. Завтра у папы будут гости. Так что нам с тобой головы не поднять эти дни.

– Может быть попросить папу? Он же будет ехать мимо парка. Мне много не надо. Штук пять или семь.

Мама поставила ещё одну тарелку. Молча положила ложку и села рядом. У неё был безэмоциональный взгляд. Когда мама злилась или ругалась, мне было понятнее. А когда смотрела, словно заранее сдавшись, внутри всё сжималось от отчаянья.

– И как ты ему объяснишь, зачем уважаемому человеку

искать в парке шишки, отбирая их у белок?

Мама посмотрела на меня, ожидая ответа. Сегодня её роскошные чёрные волосы были заплетены в косу. Папе так нравилось. Иногда он говорил, что пошёл за маминой косой в институте.

– Я скажу, что мне это надо для занятий с детьми.

– Занятий вне дома?

Теперь губы поджала я. Мне было известно наперёд, что скажет мама, и как отреагирует папа на мою просьбу. Семья мужчине для отдыха и покоя. Он обеспечивает нас, тяжело работая.

Мы же должны содержать дом в чистоте, радовать папу вкусной едой и обеспечивать покой. Все наши хотелки должны решаться внутри дома, а не ложиться на плечи отца дополнительной ношей.

Я шумно втянула воздух. Захотела запротестовать. Сказать, что я и так ничего не прошу. Младшая дочь младшего сына. Но посмотрела в мамины голубые глаза, и опустила голову.

Потому что ни она, ни я на это никак не могла повлиять. Все очень сейчас заняты. Мы должны трудиться на благо семьи. Сейчас не время. Да и шишки не для еды и не для учёбы. Это мой личный бесплатный мастер-класс.

А всё, что не касается благосостояния и мира в семье, в расчёт приниматься не будет. И в маминых глазах всё это было отголоском миллиона разговоров с одним окончанием:

займись домом, меньше будет ненужных мыслей.

Мама была русской, но уже насквозь пропиталась укладом семьи. Но я ещё застала времена, когда и она хотела работать. Папа уговаривал и объяснял. И когда братья повзрослели, мама сосредоточилась на мне.

– Ты постепенно привыкнешь, Алия. Чужие дела только после семейных. А у нас и свадьба, и гости. Когда ты соберёшься замуж, все будут стараться успеть к твоему празднику. А пока на очереди другие вопросы. Так что давай пообедаем и пойдём делать заготовки на завтрашний ужин. Людей будет много, и все из своих. Надо закрыть скатерть, чтобы не было стыдно перед людьми.

Я молча кивнула. Чтобы от стоящих тарелок не было видно скатерти, готовить придётся много. Спорить с мамой было невозможно. Но в груди жгло от понимания, что в среду дети снова будут плакать, и я ничего с этим не смогу сделать.

Тыл

В конце рабочего дня я рванул на лестницу.

– Сань, Са-ня! Свиридов!

Я перепрыгивал через три ступеньки, чтобы догнать сослуживца.

– Что у тебя, бешеный? – удивился боец.

– Мне шишки нужны, – выпалил я, когда догнал Саню на лестничной площадке первого этажа.

– На лбу? – не удержался от подкола он, продолжая топать по коридору.

Я, лавируя между идущими навстречу бойцами, продолжил:

– Нет. Нужны обычные шишки, с деревьев. Ты же недавно куда-то мотался за ними для поделок в школу.

– Было дело. Только не за шишками, а за желудями. И не в школу, а в детский сад.

– Да какая разница?

– Не скажи, – Саня с интересом посмотрел на меня. – Это пока ты свободный волк и прочая фигня, тебе и жёлудь шишка и клубника ягода. А как женишься, там тебе расскажут про разницу между лососёвым и персиковым, мокасинами и лоферами.

– Чего? – не понял я.

– Того, – ответил Саня под дружный хохот окружающих.

– Ты подробности давай. Какие тебе именно шишки нужны?
– Коричневые? Или тебе оттенок нужен? Ты давно во всём этом разбираться начал? Может, у тебя и носки под цвет глаз? – начал заводиться я.
– Может, и под цвет, – миролюбиво согласился Саня. – Я точно не знаю. Мне жена покупает. Я не присматриваюсь. А вот с шишками разбираться надо. Они все разные. Ель одно, а сосна другое. Если пихта нужна, это вообще третье. Они и растут в разных местах. Мы осенью за ними ездили по всему городу. Ели нашли. А из разных шишек и сделать из них можно разное. Тебе они для чего?

Я подвис.

– Шишки, они и в Африке шишки. Мне на рамочки для зеркала надо. Не делай мне голову, помоги лучше.

– У-у-у-у – протянул Саня. – То есть чёткой задачи у тебя нет. Ну что, сочувствую.

Свиридов достал из шкафа гражданскую одежду. Расстегнул спортивный костюм и начал переодеваться. Я со своей одеждой пристроился на лавочке рядом.

– Ты меня, Саня, не путай. Говори, какие варианты есть.

– Да разные. Если тебе нужны сосновые шишки, это за город. Если еловые, которые мягкие, то в парк. За пихтой придётся ехать к Центральному ТЦ. Там на аллее есть несколько деревьев. Вот такой расклад. Ты позвони, уточни, какие тебе именно нужны шишки. А то умотаешься по городу рыскать.

Я стянул футболку и сел на лавочку, чтобы переобуться.

– Некому звонить. Я пообещал принести шишки на занятие кружка, мимо которого проходил. И теперь к среде должен ребёнку что-то шишкообразное. Какое именно – понятия не имею. Не знал, что есть разница. Девочка плакала, и я пообещал её матери добыть шишечек.

Свиридов хмыкнул

– Мамашка зачётная?

– Да ничего так. Нормальная. Я не сильно разглядел. Блондинистая такая.

– И телефон не дала?

– Да я не спрашивал, Сань. Нафиг он мне сдался?

– Думал, ты перед ней хочешь себя показать. Ну, нет так нет. – Он замер у открытого шкафа. – Может, позвонить их руководителю? Тот спросит у преподавателя, и ты принесёшь именно то, что нужно.

А вот это было лишнее. Мне нужно было добыть шишки так, чтобы Алия о них ни сном, ни духом не знала. Принесу, отдам, и дело с концом. Начну спрашивать, точно нарвусь на запрет и какие-нибудь нарушения.

– А если не спрашивать, как тогда? – уточнил я.

– Тогда надо собирать, как минимум 3 вида, а это долго и в разных местах.

– Сегодня понедельник. Успеем, если начнём сейчас. Давай начнём с того, что дальше. Поможешь собрать?

– Какой вопрос. Конечно, помогу. Мои как раз уехали к теще.

– Тогда сейчас и махнём?

– Давай.

Мы быстро собрались и двинулись на стоянку. Но и пока мы прощались с сослуживцами, и пока устраивались в Са-ниной машине, он посматривал на меня, словно хотел что-то сказать, но не решался. Когда мы вырулили на проспект, я спросил:

– Говори уже, что там у тебя?

– Да там не о чём. Надеялся, что ты нашёл женщину с ребёнком и у тебя налаживается в личном плане.

– А женщина с ребёнком, это налаживается?

– Ну да. Они обычно уже не такие сумасшедшие. Спокойнее, больше ценят настоящую жизнь. Не провоцируют мексиканские страсти на ровном месте.

– И ты думаешь мне нужна такая? Чтобы без фейерверков?

– Уверен в этом. Как вспомню твою бывшую, так волосы дыбом.

– Ты её один раз видел. Неужели так впечатлила? – удивился я.

– Да на всю жизнь! Была с нами два часа, а я почти поседел. Сначала чуть не грохнулась в костёр, потому что пришла на пикник в туфлях на каблуках. Потом крутила перед всеми пятой точкой. Цепляла парней и тебя выводила на ревность. А потом чуть не перевернула котелок с шулюмом. При этом задев своим высокомерием Ахмада.

– Разве?

– Да точно тебе говорю. Она, когда ему заявила, что мужчины готовить не умеют, думал, что у него пар из ушей пойдёт, а ей хоть бы хны. Пофиг и на него, и на тебя, и на остальных. Плохо так говорить, но я рад, что у вас не вышло. С ней не сейчас, так потом бы тоже ничего не получилось.

– Да ну, может она бы позже стала спокойнее.

– Не стала бы. Да и громкость и беспардонность – не самое в ней было ужасное. Она не понимала кто свой, а кто чужой.

– Потому что мы все на пикнике были своими? – спросил я, но в глубине души понимал, что Саня говорит то, что я и сам часто думал.

– Нет, конечно. Мы семья, но девушка у каждого бойца своя. И она за него горло порвёт. А Марина тебя с нами намеренно стравливала, вызывая ревность. Спецназовцу такая не нужна. Просто представь, что кто-то на неё повёлся бы. И что тогда? Вражда в отряде из-за женщины? Проблемы на задании из-за недоверия? Кому это нужно? Думал, она тебя доконает.

Я промолчал. После нашей поездки на пикник мы с Мариной и расстались. Не потому, что она ошиблась и повела себя как-то не так. А потому, что после моего неудовольствия не поняла, что случилось.

«Да чё такого?». А такого было выше крыши.

– Ты себе спокойную ищи. Чтобы дома было тихо. Чтоб с задания в свой домашний тыл, а не на вторую войну. Чтоб

жена не долбала, а поддерживала. Знаю, что лезу без спросу, но ты подумай. У тебя и до Марины была такая же без понимания. Такие – только нагрузка и проблемы. А спецназовцу нужен тыл.

Саня нахмурился и качнул головой, словно расстроившись, что сказал лишнее. А я вспомнил, как меня напрягала Марина. И подумал, что именно это мне в Алие и нравится: тишина и стремление к миру.

А ещё понял, что никогда с такими не встречался. И теперь желание строить жизнь с такой девушкой стало ещё сильнее.

Гости

В нашем доме гости бывали редко, не то что у дяди Жамала. Он был старшим братом папы, а, значит, жил с родителями. После смерти отца – только с мамой. Но в их дом приходили и гости самого дяди Жамала, и моего деда.

А к нам навевывались только наши. Поэтому встречи в нашем доме обсуждали потом месяцами. Что стояло на столе, какой сервиз достали, вовремя ли подали горячее, ровно ли сделали защипы теста, в чём вынесли соус.

Мама не показывала вида, но её это ранило. Она старалась быть спокойной и деловитой. Но я замечала, как начали напрягаться её плечи и хмуриться брови. Она по многу раз перепроверяла заготовки на соль и жёсткость. И снова хмурилась.

Мы лепили, варили, резали и натирали до поздней ночи. А утром снова встали к плите. В холодильник давно всё перестало уместаться. Но мы уже давно отработали охлаждение еды на праздники.

Включив кондиционер в гостевой комнате на полную мощность, мы носили туда тарелки с закусками, заранее обернув их в пищевую плёнку. Салаты оставляли в холодильнике. Их ждала заправка и вымытые и чистая посуда для сервировки.

Я вымыла полы во всём доме. Но перед самым приходом

гостей мама отправила меня с тряпкой притереть крыльцо ещё раз. Я не возражала. Видела, что она уже не ходит, а бегаёт от стола к столу. Нервно прикусывая губы.

Хиджаб, чтобы не мешали концы, она заколола назад. Но умудрялась теревить время от времени, рукав. Это волнение передалось и мне. Оно смешивалось с огорчением от приближающейся среды.

Да и времени на размышления у меня не было. Только и успевала тереть, резать, мыть и накрывать на стол. И когда папа вернулся с гостями, я спокойно выдохнула.

Я украдкой выглянула из-за занавески. В дом отец проводил двоих мужчин приблизительно его возраста и двоих парней лет 25–30. Один из них был выше остальных и, стоя против света, напомнил мне Романа.

Только плечи у него были поуже. А когда он посмотрел в сторону моего окна, я отпрянула, стараясь не попасться на глаза. Глаза гостя были другими. Тёмными, не как у Романа.

Да сколько уже можно? Хватит уже вспоминать этого наглеца!

Мама побежала выставлять блюда на стол. Я внутренне улыбнулась. Моё дело теперь было быстро мыть посуду и быть у мамы на подхвате, не выходя к гостям.

Я слышала мужские голоса, смех, мамины шаги. А сама, рухнув на стул, думала, что сейчас мужчины поговорят, мы с мамой рассортируем оставшуюся еду и посуду.

А завтра я пойду на работу на весь день, в середине кото-

рого придут дети, и у меня снова не будет шишек. Милана заплачет, а Влад будет дразнить её своей рамкой для фотографии.

Чтобы как-то переключиться от разрывающих меня мыслей, я побежала в гостевую за закусками. Подхватила блюдо с соленьями, и едва не столкнулась в коридоре с высоким парнем.

Мы оба ойкнули и отпрыгнули в стороны. А потом хором сказали:

– Простите, пожалуйста.

Я опустила глаза и попятилась в сторону кухни. Парень выпрямился, но за мной не пошёл. Внутренне я сжалась от предчувствия разговоров о том, как я нескромно поступила и как неловко столкнулась с гостем.

Мне стало безумно стыдно и жалко себя. Как так? Почему я так бездарно опозорилась? Ведь всё было хорошо, но я снова умудрилась сделать ошибку на ровном месте.

Слёзы подкатили к глазам. Я попыталась их сдержать, но одна, с неприятным звуком начинающегося дождя, приземлилась на плёнку, покрывающую солёности. Я стиснула челюсти.

– Асаламу алейкум, – сказал парень, не делая попытки приблизиться.

– Ваалейкум ассалам, – ответила я тихо, продолжая пятиться.

Мне надо было сделать над собой усилие, чтобы молча

дойти до кухни и скрыться там, ожидая недовольства матери и порицание отца. Но парень успел задать вопрос:

– Простите, сестра, а где я могу помыть руки?

Ну, серьёзно? Ему же сказали, когда он выходил из-за стола. Но я не рискнула это сказать. Бочком прошла в сторону санузла и, не поднимая глаз, показала на его дверь рукой.

В моей душе бушевал ураган от стыда совершённой ошибки. Что теперь подумают люди? Что о нас скажут. Папе, что не смог воспитать достойную дочку. Или что я любопытничала за гостями?

Я снова продолжила пятиться к кухне. И пока я не дошла до открытой двери, парень молчал. А когда уже сделала шаг из коридора, негромко, но так, чтобы я услышала, сказал:

– Сестра, я вас не видел.

Я забежала на кухню, тихо затворила за собой дверь. Поставила на стол блюдо с соленьями и расплакалась. Утирала слёзы и ругала себя за то, что так глупо подставилась. Сердилась на этого парня так не вовремя вышедшего из зала.

Если он меня выдаст, будет позор и разговоры на год вперёд. А если не проболтается, то у него в руках будет моя тайна, которую он сможет использовать в любой удобный момент. Это несправедливо!

Я едва не зашипела от разочарования. Но ещё хуже самого горя, разговоры о нём. Чтобы не расстраивать маму, я умылась и протёрла лицо ледяным кубиком отвара трав из морозилки. И встала к раковине мыть посуду.

Но работа не успокаивала.

Мама забежала с полным подносом грязных тарелок и салфеток. Велела вымыть и протереть насухо. Судя по сосредоточенному лицу и полному ко мне безразличию, недовольства за столом не было.

Весь вечер мы бегали, накладывали, мыли и носили. А когда гости уехали, на кухню зашёл отец. Он выглядел очень благодушно. Было видно, что встреча его удовлетворила.

Отец захотел чая. Мы с мамой наперегонки грели воду, насыпали заварку и ставили на стол сладости. Папа смотрел на нас с умилением, а потом, совершенно без вступления, сказал:

– Самандар – хороший человек. Тот парень, который выше. Он двоюродный брат жениха Самиры. Работать умеет, не женат. Было бы хорошо с ним породниться. С его отцом у нас намечается сотрудничество. Он и на свадьбе будет. Может быть, ему наша Алия приглянется. Посмотрим.

И меня охватило необъяснимое волнение. Появилось ощущение, что всё уже решили, только мне пока не рассказывают.

Всё меняется

Меня штормило от усталости. До самой поздней ночи мы с мамой скребли и мыли, а утром мне надо было успеть на работу к восьми утра. А если учесть, что спала я, после столкновения с Самандаром плохо, то и в детский центр едва приползла.

Сразу начала собирать заказанные букеты и ставить их в вазы на полках. Но в голове звенело от предчувствия детского мастер-класса. Из дома вчера я даже не могла позвонить. Сейчас же развернула бурную деятельность.

Сначала пробежала по студиям детского центра. Там нашлись сушёный папоротник, цветы и семечки. Даже несколько желудей. Но шишек, как назло, не было.

Потом я позвонила двум одноклассницам. Мы все учились заочно, а они ещё и работали с детьми. Но ни у них самих, ни в парках поблизости, шишек найти не было возможности.

Я снова принялась собирать букеты, когда услышала знакомый голос:

– Насилу до тебя дошли. Далеко же ты забралась.

– Тётя Зухра!

– Она самая. Да не одна. И бабуля к тебе в гости пожаловала и наши будущие родственники.

Она метнула взгляд в сторону, и я обомлела. Рядом с ма-

мой Самире стояла, тяжело дыша, наша бабуля. Под руки её держали жених Самире Заур и его двоюродный брат, с которым я толкнулась накануне.

Бросив цветы на прилавок, я кинулась к бабуле. Придвинула ближе к ней стул и стол для опоры. Помогла сесть. Бегом вернулась к своей сумке, вынула оттуда бутылочку с водой и налила в кружку. Принесла бабушке.

– Ох, спасибо, Алиа. Хотела на базар сходить с Зухрой, но устала.

– Да зачем же? Самира бы всё принесла, или я бы прибежала.

Бабуля посмотрела на меня укоризненно, а потом перевела взгляд на будущих родственников. Значит, дело было во-все не в её желании прогуляться. Я внутренне съёжилась.

– Я хотела посмотреть на букеты, которые вы выбрали сна свадьбу.

– Да, бабуля, сейчас покажу.

Перед тем как побежать за альбомом, я сдвинула два стола. Принесла дополнительные стулья. Усадила тётю Зухру и Заура с Самандаром. Себе стул не поставила, оставив место у стола, как на мастер-классе.

Судя по сдержанным кивкам тёти и бабушки, им я своим поведением угодила. Поэтому подлила в чашку воды и отправилась за фотографиями выбранных композиций.

Раскрыла альбом и начала листать.

– Вот такие композиции установим на вашем столе. Они

плоские и не будут загоразивать молодых. А на остальных семнадцати столах будут высокие вазы и вот такие букеты. На салфетках и на вазах мы будем использовать вот такие украшения.

– А откуда они возьмутся? – спросила бабушка, явно желая меня разрекламировать.

– Я их уже почти полностью сделала. На салфетки кольца уже готовы.

– Мы их уже сложили и накрахмалили. Остались украшения на вазы. Их много осталось?

– Две и для букета невесты. Всё будет готово в срок, – ответила я.

И снова по едва заметным кивкам тёти и бабушки поняла, что всё сделала правильно. На парней я не смотрела, но их взгляды ощущала почти осязаемо. Рефлекторно проверила, не сполз ли хиджаб.

Всё было тихо и размеренно. Я ждала, что сейчас все вежливо покидают и уйдут, но ошиблась. Заур придвинул к себе альбом, пролистал от букета невесты до украшения столов и заявил:

– Мне такие букеты не нравятся. Надо заменить это пушистое на розы.

Я посмотрела на Заура, словно ища признаки шутки. Но он был серьёзен. Можно сказать, почти рассержен. Я опустила взгляд, едва мазнув по лицу Самандара. Тот смотрел на брата едва ли не с гордостью.

Бабушка с тётёй Зухрой сидели насупившись и в разговор вступать не собирались. Я растерялась от внезапной перемены.

– Но так сделать не получится, – начала я, аккуратно подбирая слова. – Чтобы заменить альстромерии и гипсофилы, придётся делать совсем другие букеты. И вазы с подставками понадобятся другие.

– Не надо ничего менять. Просто вынуть пушистые и вставить на их место розы. Только поменьше бутончики. Как в крайних вазах у вас.

Заур кивнул в сторону прилавка.

– Кустовые?

– Кустовые, – подтвердил жених Самиры. – Обычные в середине оставить, а по краям, вместо пушистых веток, кустовые розы.

У меня внезапно стало темно перед глазами. До свадьбы меньше трёх недель. Всё сто раз обговорили и даже примерили. Собрали тестовый букет и вазы заказали.

– Но так не получится, – попробовала возразить я. – Каждый цветок имеет свою длину, твёрдость, гибкость, вес. Они по-разному крепятся. Им нужна разная глубина вазы.

– Вот и размести правильно.

– Но Самира любит альстромерии! – попробовала зайти с другого конца я.

– Я оплачу только розы, – ответил Заур. – Тем более что сестра моей невесты рукодельница и флорист. Она всё сде-

дает наилучшим образом.

Я взглянула ему в глаза и увидела, что комплиментом он решил прикрыть свою непримиримость. Вокруг собирались люди и Заур не планировал позорно сдаться. Тётя Зухра с бабушкой на меня даже не смотрели. А вот Самандар разглядывал, не стесняясь.

Он не отводил взгляд, так же как Роман. Но в его взгляде не было тепла. Только любопытство. Он словно ставил эксперимент над бабочкой. Что будет, если ей опалить крылья: взлетит или нет? И позиция брата Самандару была близка.

Меня затошнило от бессилия и понимания, сколько работы надо будет сделать из-за желания Заура показать, кто главный. Закружилась голова. Я вцепилась в край стола, стараясь не упасть.

Вокруг собрались дети с родителями на мастер-класс, но я понимала, что не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.